

тот и другой «черпали» формы для своих букв, или разгадать «системы», которыми они руководствовались в их построении, наверное, едва ли возможно.²¹ Но найти, собрать и указать стилистические параллели к результатам их творчества, я думаю, полезно и важно.

Сразу можно заметить, что в число стилистических параллелей глаголицы не попадает еврейское письмо с упомянутыми буквами «цаде» и «шин». Чему же родственна глаголица стилистически?

Она настолько близка по стилю к миссионерским азбукам первых шести веков нашей эры, что было бы удивительно, если бы ее не пытались вывести из этих алфавитов. Я постарался привести стилистические параллели к буквам глаголицы.

Символический смысл формы буквы А, о котором речь уже шла, насколько не отменяет важности полного совпадения этой формы с формой грузинской «кан», коптской «ти» (или «тэй»), эфиопской «та». Полностью же совпадает глаголическая «твердо» с эфиопским знаком «ма». В остальных 38 случаях столь полного тождества нет, всегда для совпадения надо как-то «доделать» знак: либо повернуть его, либо отразить в зеркале, либо что-то к нему добавить и т. п. Однако же стилистическое сходство глаголических знаков со знаками эфиопского, армянского, коптского, грузинского, в некоторых случаях кавказско-албанского, сирийского «эстрангело» и мандейского (гностицистический вариант арамейского)²² алфавитов, на мой взгляд, совершенно очевидно. Надо сказать, между знаками самих этих языков много сходства и есть случаи полных совпадений. На поразительную близость ряда армянских и эфиопских знаков письма указал Д. А. Ольдерогге и объяснил ее знакомством Месропа Маштоца с эфиопской литературой, легко возможным в IV—V вв. и за пределами африканского континента благодаря распространению власти Аксума, а с ним и влияния эфиопской христианской культуры на Аравийский полуостров, и развитию эфиопско-армянских церковных связей.²³ О вероятном знакомстве Месропа Маштоца с эфиопским письмом писал — еще до Д. А. Ольдерогге — Г. Севак, считавший, что Месроп имел возможность познакомиться с эфиопскими книгами даже в библиотеках Амира и Эдессы.²⁴ Мысль Г. Севака и Д. А. Ольдерогге о связи эфиопской и армянской письменностей кажется справедливой Ю. М. Кобищанову: «Культурные связи армян с Аксумом, — пишет он, — возможно, уже в конце IV—начале V в. имели большое значение для создания армянского письма. V—VIII века были периодом расцвета армянской культуры, причем победа в Армении монофиситской доктрины идейно объединила армян с коптами, аксумитами и частью сирийцев и нубийцев. Существовали и места, где уже в V—VI вв. образованные и любознательные армяне, а также грузины могли встречаться с аксумитами и нубийцами и беседовать с ними как по вопросам веры, так и об их странах. Главными из этих мест были Александрия и Иерусалим».²⁵ Вероятно даже, что в самой Армении незадолго до создания армянского письма Месропом Маштоцем, в конце V в., сириец

²¹ Ср.: Периханян А. К вопросу о происхождении армянской письменности // Переднеазиатский сборник. 1966. 2. С. 106—110; Муравьев С. Н. О протосистеме армянского алфавита // Историко-филологический журнал. Ереван, 1980. № 2; кригику гипотезы С. Н. Муравьева см.: Юзбашян К. Н. Новая попытка истолковать происхождение армянского алфавита: открытие или заблуждение? // Историко-филологический журнал. Ереван, 1982. № 1. С. 177—184.

²² См.: Церетели К. Арамейский язык. Тбилиси, 1982. Приложение: Таблица «Основные виды арамейского письма».

²³ Olderogge D. A. 1) Les anciennes relations entre l'Arménie et l'Éthiopie (Histoire d'une écriture). Moscou, 1969 (IV Conférence internationale des études éthiopiennes); 2) L'Arménie et l'Éthiopie au IV siècle (à propos des sources de l'alphabet arménien) // IV Convegno Internazionale di studi etiopici. Roma, 1974. T. 1. P. 195—203.

²⁴ Севак Г. Месроп Маштоц. Ереван, 1962. С. 46.

²⁵ Кобищанов Ю. М. Северо-Восточная Африка в раннесредневековом мире. М., 1980. С. 182.